

Любовь Блажеева

А.ЛИ.НА

2018

18+

Любовь Блажеева

А.ЛИ.НА

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Блажеева Л. Г.

А.ЛИ.НА / Л. Г. Блажеева — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Роман состоит из трех частей, это три истории, три повести, которые происходят почти в одно и то же время, с разными людьми в современной России. Эти истории рассказывают о мимолетности всего происходящего в жизни, о преодолении, потерях, проблемах и ярком блеске, который заманивает в капкан, но ничего в себе не содержит.

Содержание

А – Анна.	6
Конец ознакомительного фрагмента.	24

А.ЛИ.НА

Посвящается моему сладкому котенку, любимой дочке!

А – Анна.

I

С чего же мне хотелось бы начать мою повесть? Для начала хорошо бы представиться. Меня зовут Павел Калугин. По рождению носил фамилию Цветков. Мне тридцать шесть лет, я давно женат и занимаюсь бизнесом. У меня есть машина марки «Ауди», также владею двумя магазинами, которые торгуют автомобильным оборудованием. Я родился и вырос в городе Москве, где проживаю до сих пор. Внешне я выгляжу, как среднестатистический русский мужчина, с темно-русыми волосами и карими глазами, имею рост 178 метров, довольно крупного телосложения, хотя спортом никогда всерьез не увлекался. Пожалуй, всё, что мне хотелось бы написать о себе в официальной части. Я, конечно не писатель, и никогда не стремился к этому... Но больше всего мне хочется поделиться своими воспоминаниями, которые до сих пор лежат на мне тяжким грузом, и сколько бы времени не проходило, не покидают меня. Теперь же с помощью ноутбука и встроенной программы Word, я надеюсь, хоть немного успокоить своё сердце. Как же я надеюсь, что эта, нескончаемая боль внутри меня, станет хоть немного притупляться и успокаиваться. Говорят, бумага все стерпит, пусть и бумага теперь электронная, но и мою писанину, надеюсь, тоже сможет вытерпеть.

Если говорить о моем детстве, то мои неприятности начались с самого моего рождения. То время, которые многие люди вспоминают с особым теплом и радостью, беззаботное и прекрасное время детства, то я бы предпочёл навеки забыть. «Несчастное дитя алкашей!», только и слышно было вокруг меня вздохов сердобольных соседей, но даже они не могли понять до конца всю глубину ужаса такого существования. Вечный бред родителей, вмещавший в себя и порывы любви, и порывы жесткости. Укромные места, куда можно было убежать, во время очередных их «белок» и ссор. И сидеть там, боясь выдохнуть, и молиться, чтобы этот скандал быстрее закончился. Непонятные люди, обитавшие у нас в гостях, во времена родительских запоев, хотя со временем этот контингент местных бродяг и алкашей стал мне хорошо знаком. Запах табака, горький привкус водки – вечные спутники нашей квартиры. Иногда мать могла ненадолго выйти из запоя и тогда, наконец, в старом холодильнике появлялись продукты, на столе хлеб, суп, второе. В квартире хоть на какое-то время наводился порядок. А по профессии она была повар, и когда хотела, могла приготовить очень вкусное блюдо. Хотя даже в эти моменты, она была всё же больше строгой и раздражительной, чем ласковой и доброй мамой. С моим взрослением видеть её трезвой я стал всё реже, а иногда мне даже становилось это выгодно, особенно во времена школы, когда можно было не посещать занятия. Отец когда-то был шофером. Они имели хорошие профессии и даже приятную внешность, но превратились в обычных алкашей. Мне никогда уже не суждено узнать причину этого, они давно пропали, как мне кажется, закончив свою жизнь бомжами на вокзале. Мне до сих пор абсолютно все равно, что же с ними стало, так же, как им было все равно, как я рос.

Сколько травм и неприятных воспоминаний они оставили мне, прежде чем навсегда уйти из моей жизни?! Сколько детских обид и страхов я пережил по их милости?! Эта обстановка убогости и нищеты нашего жилища. Наверняка не стоит это объяснять, каждому в России и так понятно, что представляла собой наша двухкомнатная квартирка, где я рос. На стенах обои, когда-то кем-то поклеенные, возможно даже когда они только въехали, но уже давно ободранные, замызганные, прожжённые. На полу такого же вида линолеум, непонятного цвета от старости и грязи. Во многих местах сохранялись точки, от потушенных окурков во время очередных запоев родителей. Мебель была вся старая, доставшаяся им, видимо, от их родителей. Иногда мать могла принести что-нибудь со свалки, что обычно неделями складировалось у нас в коридоре, пока я не стал выносить обратно туда же. Кухня – самое любимое место их собраний. При этом кроме раковины, стола, плиты, и пару стульев, там ничего и не осталось.

Был ещё холодильник, но со временем он сломался и служил скорее просто предметом, куда можно было спрятать вещи или убрать посуду. Но именно здесь они проводили большую часть своих гуляний, а ночевать уходили в комнату.

Зачем я им нужен? – спрашивал всегда я себя. Зачем вообще нужны такие дети? Я мог часами сидеть в укромном месте в углу, возле двери в маленькую комнату, размышляя о сложностях своей несчастной жизни, когда они ругались в пьяном бреду на кухне. Больше всего я боялся, что они ворвутся ко мне, и станут меня втягивать в их конфликт, что иногда они делали. Конечно, чем я старше становился, тем тяжелее им было это сделать. Игрушек у меня почти не было, я играл на улице с бутылками, палками, все, что только попадетсЯ. Самая моя большая и любимая находка – случайно забытая одним из гостей игрушечная машинка. Модель настоящей машины марки «Жигулей», она была маленького размера, ярко-оранжевого цвета и у неё открывались передние дверцы. Я играл с ней везде, очень бережно к ней относился, старался на ночь прятать. Все равно она исчезла, не трудно догадаться, что её продал кто-то из моих родителей. Моему горю не было предела, я ругался с ними весь день, но мой гнев потонул в родительском равнодушии. Я становился все более замкнутым в себе, я не любил дворовые компании, считая себя уже отчасти неправильным, имея таких мать и отца, при этом все мальчишки в той или иной степени любили похвастаться, а мне было просто нечем, только сидеть и бесконечно завидовать, слушая их рассказы. Я стеснялся идти куда-нибудь вместе с родителями, потому что мне казалось, что все смеялись над ними и их неопрятным внешним видом. Им было все равно, а я переживал.

С учащением веселых посиделок в нашей квартире появлялись: то милиция или приходил участковый, иногда приезжала «скорая помощь». Обычно сразу после предупреждения, мать все же старалась преобразиться. Она переставала пить на некоторое время, наводила порядок в доме, готовила целый день, ругалась с отцом и грозилась его выгнать. Она даже старалась прилично одеваться и могла доставать хорошие вещи для меня и себя. Конечно, сразу стали появляться приступы безотчетного гнева, но мне все равно так хотелось, чтоб это состояние длилось подольше, а лучше, чтобы она излечилась совсем. Мне хотелось, чтобы она приходила встречать меня у школы, спрашивала, как прошел мой день, помогала мне разбирать домашнее задание, но её знания уже становились меньше моих школьных. Отец же бороться никогда не хотел, они вообще никогда не считали себя алкоголиками. Он подрабатывал везде, где только можно, чтобы вечером добежать до магазина. Наверное, он уже и не помнил, что когда-то был профессиональным шофером и имел свою машину. И однажды судьба свела его с красивой поварихой в столовой службы такси. Они губили свои жизни на моих детских глазах, и мне только оставалось с ужасом за всем этим наблюдать. Иногда они дрались между собой, мать получала удары от него, вплоть до синяков, я как мог, старался её защитить, с возрастом мог даже дать сдачи, и надеялся, что после этого мы уйдем от отца или, наконец, выгоним его. Но наступал следующий день и она его обязательно прощала. Бессильный что-то изменить, я только рыдал по ночам, потому что кроме них никого ближе в моей жизни не было. Были моменты, когда он начинал сильно болеть, после долгих запоев, и если в детстве, я переживал, приносил ему воды, просил поскорее поправиться, то в школьное время, я наоборот, старался не показывать своего отвращения, быстрее уходил в свою комнату. Потом они ещё даже начнут пить, потому что я у них такой непутевый. Возможно, что судьба бы сложилась так, что я бы сдался на их милость, занял бы место в их компаниях, стал бы таким же, как они. Я бы перестал видеть другого путь, кроме как пить каждый вечер дома, и драться с соседом-алкашом. Женился бы на такой же пьянчужке, каким бы был и я, но ей, наверняка, были бы очень довольны мои родители. Быть в стае, так сказать... но...

В соседней квартире, напротив нашей, умерла старая бабушка, этому обстоятельству несказанно были рады мои родители, потому что это она, часто вызывала ночью милицию, когда их веселье было в самом разгаре. Она была очень ворчливой и недовольной пенсионер-

кой. Ни родственников, ни детей у неё не было, только кошка, которой потом пришлось жить в подъезде, где жильцы подкармливали её. Двухкомнатная квартира перешла государству, и вскоре в ней должны были появиться новые жильцы.

В тот день, я находился на площадке между этажами, развлекая себя, рисуя мелками на стене. Дома, как обычно, родители пригласили гостей и вели жаркие споры за бутылкой. Видеть это было мне уже настолько противно, а гулять я не любил, боясь насмешек ровесников, из-за этого чаще всего любил просто провести время в подъезде. Неожиданно на площадке появились незнакомцы. Широкоплечий, крупный мужчина с короткой стрижкой, он был прилично и опрятно одет. У него был высокий рост и круглое лицо, а на носу находились очки с круглыми стеклами. В руках он нес большую картонную коробку. Следом за ним приехала на лифте миниатюрная женщина, среднего роста, с короткой причёской, волосы рыжего цвета, с озабоченным выражением на лице. Увидев меня, она доброжелательно улыбнулась. Ей это шло. Она тоже держала в руках большую коробку. Они скрылись за дверью своей новой квартиры, как сразу догадался я. Не прошло и пять минут, как из лифта стремительно промчалась худенькая девочка лет девяти, на тот момент моего возраста, и направилась в ту же дверь. Она не закрыла дверь за собой, и я видел, как она гладила кошку, которая пробралась к ним из подъезда, просила женщину оставить её. Мать сомнительно смотрела на кошку. Мужчина же направился к лифту, чтобы спуститься вниз за остальными вещами. Так они весь день заносили свои вещи. Я предложил им свою помощь, они с радостью согласились. Рыжая девочка сразу же переключила свое внимание с кошки на меня. «А где ты живешь? Чем занимаешься? В какую школу ходишь?» – она хихикала, и все время меня спрашивала. Мне не особо понравилась моя новая знакомая, за её навязчивость, зато её родители покорили меня своей спокойной рассудительностью, доброжелательностью, их сплоченностью, постоянным беспокойством за дочь и за меня. Когда мы занесли последнюю коробку, то я был приглашен перекусить с ними. На скорую руку тетя Лена нажарила картошки, дочь ей везде помогала. Мы сели за стол, который они привезли и успели уже установить. Надя, а именно так звали мою новую рыжую веснушчатую подругу, села рядом со мной и с очень серьезным видом объясняла, как сделать картошку вкуснее. Как же для меня это была разительная перемена, мой дом – полный склок и пьяных драк и эта счастливая, спокойная и сплоченная семья. Пусть в их доме ещё не было мебели, а только коробки и голые стены, все равно он мне казался уже очень уютным и спокойным. Дядя Миша посмотрел на время и решил, что мне уже давно пора домой, а то родители будут волноваться. Мне оставалось лишь грустно ухмыльнуться на его слова. Я вернулся в свою квартиру, где стоял стойкий запах перегара, а из комнаты раздавался храп, я только смог порадоваться, что сегодня обошлось без драк и посторонних людей. На кухне повсюду находились следы прошедшей пьянки. Я согрел чайник, и как никогда остро почувствовал разницу – убогость моего дома, и ту, семейную теплую атмосферу у наших новых соседей, в которой мне удалось сегодня побывать. Тогда я точно понял, о чем теперь будут мои мечты.

II

Надя. Моя новая маленькая соседка. Это юное прекрасное существо, с уверенностью, которая завораживала многих. Она всегда знала, чего она хочет, при этом всегда знала, как это сделать, и как получить максимальную выгоду для себя. Единственное, что ей немного не хватало, это привлекательной внешности, но и это она с успехом восполнит в будущем. С того самого первого вечера, я каждый день мечтал находиться внутри её семьи и называть Наденьку своей сестрой. Притом она стала первым ровесником, с которым я смог преодолеть мою замкнутость, с кем мне всегда приходилось общаться. Я сильно завидовал ей, не понимал, как она может иногда быть недовольна своими родителями?! И даже однажды признался ей, что мои родители алкоголики, когда она настойчиво напрашивалась ко мне в гости. Но это не только не испугнуло её, как я думал, а она просто прониклась ко мне сочувствием. Вскоре

оказалось, что моя юная соседка не на шутку увлеклась мной. Никогда в мою детскую голову и мысли не могло прийти о моей внешней привлекательности, но она её увидела и оценила. Надя решила, что я хорош собой, покладистый, неконфликтный, мое преклонение перед её семьей (она приняла это за мое увлечение ею), сделали меня очень желанным объектом в её глазах. Ей не надо было прилагать особых усилий, я уже был весь её, выполнял её просьбы, делал одолжения, за это, каждый вечер, она приглашала меня в гости. Я нёс Надин портфель до двери, и следом получал вкусный обед, и мы вместе делали уроки. Я приходил её встречать после её посиделок с подружками, и всегда был на её стороне в конфликте со сверстницами. Благодаря моим неплохим физическим данным я всегда мог постоять за себя и за неё. Надя находила, как использовать это в своих целях, в классе её стали побаиваться и уважать. Это была любовь: моя по неизбежности, она меня со всей своей страстностью. Но ещё, что было, немало важно, но именно благодаря характеру Нади, я перестал быть таким неразговорчивым и замкнутым, каким всегда до этого считался в классе. У меня появились друзья, конечно, это были уже наши с Надей общие друзья.

С 13 летнего возраста в нас проснулось любовное любопытство, если я по природе более застенчивый, старался сдерживаться, то Надя ринулась в это дело с головой. Она стала приглашать меня к себе, именно в тот момент, когда родителей не было дома. Страх потерять доверие её родителей всегда меня останавливал, хотя на какие только уловки не шла моя подруга. Прочитав и посмотрев не одну пару книг и фильмов любовного содержания, Надя пыталась претворить многое в жизнь. Стоит отметить, что она была в некоторые моменты настолько великолепна, что только семейная фотография на стене, каждый раз останавливала меня. Эта была эра бесконечных нежных поцелуев, с требованиями погладить её, юное, ещё до конца не сформированное тело. Иногда когда мы лежали, обнявшись, и отдыхали после школы на диване, она говорила мне о планах на нашу жизнь. Надя уже все решила и, надо заметить почти все осуществит, вплоть до обоев в нашей совместной квартире.

Мои родители к тому времени деградировали окончательно, все, что только их интересовало, это водка, водка и водка. Если раньше они ещё иногда выглядели более-менее сносно, и некоторые соседи даже не подозревали об их увлечение, то теперь об этом уже знали все в доме, и Надины родители стали жалеть и переживать за меня. Я же плавно переехал в их квартиру, где юная рыжая леди уже сумела соблазнить меня, и теперь я чувствовал большую ответственность за неё, и, конечно, был необычайно окрыленным, познав новый вкус любви.

В одну из ночей мои родители-алкоголики устроили в доме пожар. Мы убежали в страхе из квартиры, Надя билась в истерике, я успокаивал её, шепча на ухо нежные слова. Мне было самому страшно, но я больше переживал за неё, и чувствовал омерзение к своим, так называемым родителям. В тот момент я их просто возненавидел. Пока мы стояли возле подъезда, и беспомощно смотрели на чёрный дым, который шёл из окон моей квартиры, а пожарные делали свое важное дело, из подъезда вынесли эти два пропитых и закоптивших тела. Худые, все черные от сажи, но всё ещё живые. Надя уже пришла в себя, посмотрев на состояние моих родителей, стала говорить, что их надо выселить. Больше она уговаривала отца, который работал в органах внутренних дел, чем меня. Она знала, что я ненавижу своих родителей. «Почему не записать квартиру только на Павлика? В дальнейшем, можно будет даже объединить наши квартиры!», недоумевала она. Папа помог, он любил свою дочку. Хотя, в глубине души дядя Миша и тетя Лена, возможно, и не особо одобряли выбор своей дочери, но зная настойчивость и решительность своего чадо, им пришлось смириться. Мать старалась чаще привлекать меня к работе по дому, а отец иногда вёл мужские разговоры за жизнь, которые очень повлияли на меня, за что я ему до сих пор, конечно, благодарен. Все мы понимали, что через некоторое время я стану называть их своими отцом и матерью.

Надя любила покомандовать, умела «крутиться» и имела невероятное количество энергии. Тонкая и грациозная, как горная лань, но по характеру это скорее пантера, львица, хищ-

ница. В ней находилась невероятная сила добиваться своей цели, сокрушая все вокруг. Как смерч, ураган, успокаивалась она только при достижении желаемого результата. Все это просматривалось в ней ещё тогда, в школьные годы, через несколько лет она превратится в настоящую бизнес-леди: сильную, умную и хитрую.

Та ночь, кстати, будет последний раз, когда я видел своих так называемых родителей. Эти два еле двигающих, полуживых тела, проспиртованных до нельзя, увозили на машине скорой помощи. Я отказался ехать с ними, под одобрение моей рыжей подруги. Больше я не видел их никогда! Что мне ещё хотелось бы добавить о них? Кроме отвращения к алкоголю, в моей жизни они ни чем не запомнились. Когда я ещё был совсем маленьким, я очень любил их, особенно мать, переживал за неё, потом стал ненавидеть отца, но со временем, когда они стали практически единым целом, а алкоголь буквально пропитал их насквозь, я просто перестал видеть в них людей. Мог ли я называть их: отцом и матерью? Не смотря на то, что они когда-то и подарили мне жизнь, я все равно не считал их своими родителями, да они и никогда и не старались ими быть. Они никогда просто мной не интересовались! Я рос сам по себе, они же имели другое увлечение. Я не искал их, не интересовался, что могло с ними стать, я не знал моей родни, которая возможно у меня была. У меня была только фамилия отца, которую я в итоге поменял на фамилию моей жены. Смог ли я их простить? Да, где бы они ни были, на земле или на небесах, я перестал их ненавидеть, но и видеть я их не хотел, как впрочем, и они, наверное, меня тоже, но понять их я так и не сумел.

Дядя Миша довольно быстро сумел выписать их из квартиры и оформить её на меня. Оказывается у них остался большой долг по квартплате, который пришлось выплачивать моим соседям, они же в итоге стали моими опекунами. Моя судьба окончательно решилась. Надежда бы не допустила ничего другого. После окончания школы мы сыграли свадьбу, как только нам исполнилось 18 лет. Она уже решила, в какой ВУЗ лучше нам поступить и на какую специальность. В этом моя жена исходила чисто с коммерческой точки зрения. В конце третьего курса – она всерьез решила, что нам пора заняться своим бизнесом.

Надежда, очень расчетливо умела все предусмотреть, все предугадать. Природа наделила её талантом коммерции, напористостью и ловкостью. Стоит отметить, что она оставалась всегда недовольна только своей внешностью. И сколько я не пытался её убедить, что она и так хороша собой, она меня не слышала. Я протестовал, как мог против пластики носа, но она хотела его уменьшить и подкорректировать. Она сумела добиться при помощи макияжа выразительности своих глаз. Надины жёлтые глаза всегда подводились идеально так, как соответствовало её разрезу. Увлекалась уколами «ботокса», что приводило её лицо в полное обездвижение, что всегда меня пугало, и постоянно контролировала своё питание. Ничего лишнего, ничего сверх нового. Казалось со стороны, что ничего особенного она не делает, но только я имел точное представление, сколько сил и денег она тратила на свою внешность. Надя – боец, иногда её сила духа просто меня поражала. В некоторые критические ситуации, она первая выводила меня из ступора с уже готовым планом действия, как всё лучше сделать с выгодой для нас.

У неё была только одна подруга, которая не уступала ей в хитрости и напористости. Они обе любили строить друг другу ловушки, проверяя на коварство (это была особая их игра). Признавались, что одна ненавидит другую, но ещё со времен института каждый раз встречались и напивались в стельку. За этим следовала клятва вере и преданности на века. Надя могла доверить Ольге любую тайну. Та её хранила, только изредка испуская колкости, да и то, только без посторонних глаз, та всегда старалась отвечать ей тем же. Как бы ни смотрелось странно это со стороны, но это являло собой настоящую дружбу с солидарностью, уважением, преданностью. Ольга удачно вышла замуж, что позволяло ей работать только для удовольствия. Она умело распоряжалась состоянием своего мужа, обладая навыком никогда не тратить лишнего, а только столько, сколько необходимо. Надя возможно и не могла похвастаться таким умением,

иногда, то скупилась, то наоборот тратила без остановки, но все что мы имели, надо отдать ей должное, заработала она сама. Она могла попросить о помощи меня или отца, но делать это не любила, из-за этого и случалось это крайне редко.

У моей женоушки существует только одна слабость, в её каменной идеальной крепости существовала только одна брешь, – это я. Ещё в школе после того, как Надежда появилась в нашем классе, все уяснили для себя: «Паша – Надин», и так продолжалось и продолжалось. Со мной она была то мягкой, то стервой, то впадала в истерики, то шутила и ласкалась, как кошечка. Для всех, кроме меня и, наверное, ещё Ольги, Надя представляла собой стройной, подтянутой женщиной, с сильным, почти мужским волевым характером, иногда могла вспылить и выдать такую бранную тираду, что тушевался даже я. Хотя я знал её люблю. Любил ли я её?

Не знаю. . . . До сих пор не могу точно ответить на этот вопрос. Рядом с ней меня не было. Существуют только Надежда и её Павлик. А что я представлял собой, не имел понятие никто, и даже я сам. Пока не появилась другая. . . (но об этом позже). Она полностью мной владела – моим временем, моими вкусами, предпочтением. У меня для себя остался только крошечный островок в море моей жизни. Мои мысли, моя голова – это единственное место, куда я ещё мог убежать от неё и проанализировать ситуацию. Я любил уходить в них, когда ехал по делам в поезде или просто сидел у телевизора, делая вид, что смотрю футбол. Надя уверяла всех что футбол и теннис, это то, что я люблю больше всего. Иногда, мы посещали футбольные матчи, а в выходные дни старались нанимать теннисный корт для игры. Мог ли я обойтись без этого? Вполне. Что же я осознавал в эти редкие минуты моего одиночества? Что я никто. Обычно я всегда приходил к этому заключению. «Да как я могу так полагать?! Если бы не Надя, я был бы ничтожеством, закончил бы также как и мои родители бомжом на вокзале» – приводил себя я обычно в чувства, и жизнь продолжала идти своим привычным образом.

После окончания экономического ВУЗа, Надя и я стали настоящими бизнесменами, кое-какие действия мы предпринимали, ещё пока обучались, но с каким-то конкретным делом не определились. Так получилось, что Надю всегда интересовали именно автомобили. Стоит заметить, она знала толк в этом. После покупки нашей первой машины: старой модели пятерки «Жигули», мы тратили много времени на её ремонт: то с поиском хорошего автослесаря, то нормальных автозапчастей к ней. Вот тогда у Нади и родилась мысль о создании своего бизнеса именно в этой отрасли. Мы оформили «ИП», и открыли наш первый магазин. Благодаря связям её отца и её коммерческому чутью, дела у нас пошли в гору. Наше дело спокойно преодолел кризис 1998 года, и в начале 2000-х годов мы зажили на широкую ногу. Прибыль уверенно шла к нам в руки, точнее даже в Надины руки, которая вряд ли бы чего-нибудь пропустила. Каналы поставки были отлажены, свои постоянные клиенты нас не подводили. Мы спокойно смогли содержать и окупать два магазина. Стали появляться предложения о расширении, или даже попробовать заниматься ещё чем-нибудь, помимо торговли. Наши проверенные поставщики делали нам заманчивые предложения. Надя решила не торопиться, а со временем расширить отрасль, точно просчитав все риски. Я не вмешивался, в этих делах Надя не имела себе равных.

За это чудесное время мы побывали во многих тёплых странах, могли себе позволить селиться в респектабельных отелях и посещать дорогие рестораны. Любили покутить, особенно за границей. В эти моменты я был счастлив, но все равно находились какие-то мелочи, которые опять погружали меня во внутреннюю тоску. Иногда забывали написать мое имя в приглашении, швейцар услужливо мне улыбался, а ждал распоряжений Нади, её вмешательство в выбор мною блюда на обед, все решения по маршруту и посещение музеев, тоже оставались только за моей женой.

Конечно со временем, я стал более молчаливым, более грустным. Надя, любя меня и хорошо зная, смогла уловить мое тоскливое состояние. Мы пошли к психологу, по рекомендации, которую ей дала подруга. После первого сеанса, когда мы долго сидели в темных кожаных

креслах и обсуждали наш семейный быт, я впервые попросил её о ребёнке. Не могу сказать, что мне не понравился доктор, но почему-то именно там, я остро осознал, чего мне так не хватает. Я редко у неё что-то просил, жена сама всегда давала без слов, но тут я начал упорствовать. Как ей этого не хотелось на самом деле, но моя жена вынуждена была рано или поздно согласиться.

–Всё же есть! – восклицал я ей, – Квартиры, машины, деньги. Что же ещё надо?

–Ты уверен, что мы внутренне созрели для детей? – невозмутимо отвечала она.

–Надя, а когда? Когда этот момент произойдет?

–Павлик, мы не старые, – обижено добавляла она, – Дети это слишком ответственно. Ты просто не хочешь все обдумать всерьёз!

Смешно, чем больше она обладала мной, тем сильнее боялась потерять меня. В нашем офисе уже не осталось молоденьких сотрудниц. Надя переживала, что положат на меня глаз. Номинально директором считался я, но ни для кого не секрет, что всем управляла жена, но молоденькой новенькой сотруднице не всегда было это ясно. Мой статус делал меня в головах многих девушек почти божеством. Хотя самый страшный сон моей жены был, не эти маленькие девчушки, а то, что попадетсЯ такая же, как она по характеру, но моложе и красивее. После увольнения трех подряд моих секретарей, больше мы не искали никого. Остался только один личный помощник – она сама.

Иногда я стал позволять себе беситься, но пара её фраз: «Кто это все для тебя сделал?», «Что тебе не хватает, я и так дала тебе всё! Я же на всё готова ради тебя!» Я терялся и уже умоляюще просил просто родить нам сына или дочку. С ним бы все переменялось, считал я, мы бы старались всему его научить, я учил бы его ходить, говорить, ездить на велосипеде, а она бы следила за его питанием и внешним видом. Мы бы собирались все вместе за одним общим столом, он был бы непоседлив, а мы старались его заставить поесть побольше. Жена уже не могла мне не уступить, особенно когда в пылу досады я не произнес: «Да что же ты за женщина?! Раз ребенка родить не можешь?!». Отчасти она очень боялась делить меня ещё с кем-то, и это бы добавило в её бизнес-планы много новых проблем, но психолог нам сказала, что мы уже давно дозрели до нового события в нашей жизни. И многозначительно добавила, что это способно укрепить наши узы. Это стало моей новой надеждой, что моя жизнь сможет обрести хоть какой-нибудь смысл и в ней появиться что-то главное.

III

Я любил иногда выходить за прилавок нашего центрального магазина, помогал продавцам консультировать по товару, делал подсказки по выкладке деталей. Наде это не нравилось, она старалась по возможности выглядывать из-за двери своего офиса и наблюдать за мной. «Зачем мне ребенок? Ты у меня как ребенок!» – бурчала она под нос. Я же ждал и любовался, когда магазин посещали семейные пары. Когда видел, как отец крепко держит на руках свою малышку, а старший ребенок непослушно путешествовал по магазину. Мать то и дело окликала его. Они могли встать возле необходимого товара и долго обсуждать, сравнивать, оценивать. Я глаз не мог оторвать от них. Я грустно оборачивался в сторону жены, она моментально делала вид, что занята. Я надеялся, что она всё же и сама также захочет такой же крепкой и большой семьи. Какие они все были разными! У каждой семьи свои особенности, а их дети это просто шедевры! То точная копия матери, то похож на отца, как две капли воды, иногда походил на двух родителей сразу или ни на кого из них, а просто сам на себя. Они бывали очень любопытными, иногда пугливыми, некоторые серьёзные, или улыбочивыми, а кто-то слишком капризен. Иногда малыши могли устроить настоящие истерики, или начинали очень громко кричать, но даже тогда они мне казались скорее непоседливыми, чем вредными и невыносимыми. А эти младенцы, которые прижимаются к телам своих родителей и пристально смотрят из стороны в сторону, изучая этот новый для себя мир. Они были похожи скорее на малень-

ких кукол. Как же мне хотелось также прижать к себе такое маленькое чудо и успокаивать его ласковыми словами.

Первым делом из нашего дома исчезла вся контрацепция. Надя, после долгих раздумий, взялась за дело с присущей ей энергичностью. Посетила гинеколога, узнала все тонкости процесса. И у нас начался настоящий медовый месяц. Мы занимались любовью везде: в ванной, на кухне, в машине, в постели, и во время перерыва на обед и каждую ночь в нашей постели. Старались разнообразить наши контакты. Надя подсчитала, те дни, когда есть очень большая вероятность зачатия, и в эти дни мы старались особо. Теперь мы стали открыто разговаривать о детях, о перестановках которые мы сделаем в нашей квартире, что мы купим к его появлению. Нам уже не терпелось увидеть его появление. Как обрадуются Надины родители, когда мы сообщим им эту новость. Шутили, на кого он будет больше похож, и что он унаследует от меня или неё. Иногда мы настолько заходили вглубь будущего нашего малыша, что думали уже об окончании им университета. Мы были увлечены этой идеей, это опять очень нас сблизило.

Тесты же все время были отрицательные. С задержкой в два или три дня месячные у Нади приходили. То, что казалось таким простым и быстрым делом, наоборот превратилось в долгий процесс ожидания. Как будто кто-то свыше упорно смеялся над всеми моими планами. После нескольких месяцев неудач, мы решили сходить к врачу уже вдвоем.

– Все будет нормально, – твердила Надежда, – знаю многих знакомых, которые очень долго пытались, не один год! Зато теперь третьего малыша ожидают.

Вердикт врача звучал, о том, что у нас очень низкий процент совместимости. Такое бывает. У некоторых пар его нет, а у нас все-таки есть. Это был не приговор, и шанс был, просто мы нуждались в более глубоком обследовании и скорее всего нам поможет искусственное оплодотворение, которое помогло многим парам завести долгожданное потомство.

Я однозначно был согласен на все. Мы платили за анализы, за саму процедуру, за палату. И цифры на счетах не имели для нас большого значения. Главное – результат, решили мы, когда согласились на искусственное оплодотворение. Быстрого успеха мы опять не дождались, врач сказал нам набраться терпения, взять передышку. «Вы устали, через многое прошли. Побудьте вместе. Поверьте, ещё наступит время, когда вы привезете в дом маленького человечка! Иногда, когда пары отвлекались и переставали заикливаться на результате, у них сразу наступала долгожданная беременность»

Надя все равно стала готовить все больше и больше планов действий, мой же пыл наоборот стал остужаться. На меня снизошла волна новой тоски и невероятная усталость. Пришло какое-то смирение, что я навсегда буду просто Надиным Павликом. Бог не ссудил мне даже стать отцом. Эти мысли терзали меня и не давали мне покоя. Я не захотел запивать свое горе алкоголем, как наверняка сделали бы мои родители, а пристрастился к бездумным, бесконечным поездкам по автострадам. С утра я прощался с Надей, говорил, что еду в магазин, а сам заправлял полный бак бензина, заводил машину и ехал, ехал, куда глаза глядят, просто вперед. Потом оказывалось, что я в Твери или в каком-нибудь другом городе. Я приезжал домой поздно вечером. Надя сильно забеспокоилась обо мне, стала настаивать, чтобы я показался врачу. Мои возражения были несильные, признался ей, что у меня есть небольшое недомогание, возможно просто нервное. Я не хотел сильно её волновать или спорить с ней, я уже просто устал это делать. Жена тут же записала меня в частную дорожную клинику, чтобы я прошел полное обследование. Сама же она намеривалась поехать в Европу, чтобы там уже наверняка забеременеть. Я отговаривал, говорил, что два таких счета мы не потянем, притом операция в Европе стоила наверняка приличную сумму. Надя безмятежно сообщила, что уже оформила кредит в банке, хотя мы всегда были противниками займов. Я упрашивал, хотя бы подождать, когда завершится мое обследование и тогда уже лететь в Европу. Конечно, я понимал, что она меня не послушается, и, наверняка, тайком проводит консультации с немецкими врачами. Я же посвятил целый день на сдачу необходимых анализов. Мне даже назначили томографию голов-

ного мозга, что меня немного рассмешило. Тратить столько денег впустую!!! Ещё её поездка в Германию. Да, в московских частных клиниках оборудование и специалисты ничуть не хуже, чем там. Мне хотелось кричать своей жене: «есть такие процессы в наших организмах, которые невозможно изменить не за какие деньги!»

Надежда улетела в Гамбург рано утром, не позволила мне даже проводить её, сказала только, что это по работе, поступило очень интересное предложение. Конкретнее она сообщит позже. Она уехала, пока я ещё спал. Утром я только прочитал её записку, которую она оставила мне на кухонном столе.

–Вернись, – я сразу же позвонил ей по телефону. Она сбросила мой вызов. Я перезвонил, она уже выключила телефон. Надежда всегда останется Надеждой. Она позвонит мне сама, когда решит, что это сейчас необходимо. Не просто волнение за мое здоровье двигало ею, когда она просила меня пройти обследование, но и желание меня отвлечь, чтобы спокойно улететь в Германию, пока я буду заниматься своим здоровьем. Все наши многолетние труды моя жена ставила под угрозу. Сколько будет стоить эта операция, и на какую сумму она оформила кредит, мне оставалось только догадываться.

Правда, в этом было и хорошая сторона для меня. Я снова смог окунуться в свои поездки, уйти в них с головой без страха, что Надя что-нибудь придумает, чтобы проконтролировать меня. Я делал остановки, только чтобы отвечать на звонки жены, которая звонила, чтобы узнать, чем я занят и как идут дела в магазинах, хотя сама наверняка каждый день получала необходимые отчеты от бухгалтера.

Россия огромная, Россия необъятная. Сколько всего прекрасного было о тебе написано, но каждый раз ты лежишь перед глазами неповторимой красотой своих простых пейзажей. Сколько раз я просто ехал и наслаждался теми картинами, которые открывались мне. Как часто я думал, почему за повседневными делами мы не обращаем на эту красоту никакого внимания. То одинокие молодые березки притаились на снежных склонах равнин, а вот целые рощи сосен, скрывающие какие-то секреты в темноте своей листвы. Плоскогорья с маленькими домиками, похожие скорее на игрушки или нескончаемые поля, которые уходили далеко за горизонт. То очертания неровной реки, застывшая подо льдом, ускользает в тени деревьев. А иногда бывало, меня сопровождала целая громада облаков, которые закрывали солнце, но на рассвете они по-особенному переливались всеми оттенками багряного цвета, казалось, будто самый умелый художник нарисовал столь восхитительный авангардный пейзаж. Я смотрел, любовался, отдыхал, и отключался от всех проблем, как будто они оставались за окном машины, а я стремительно мчался от них. Я опять был наедине с собой, природой, и будничная суэта переставала отвлекать меня. Особенно я любил небольшие снегопады, которые позволяли мне в тон погоде не о чём не думать, придаваться меланхолии, и просто следить за дорогой.

Верил ли я, что Надежда привезет мне в своем животе малыша и её поездка в Европу будет успешной? Нет. Я уже верил в свой рок. Рок одиночества и ненужности своего существования, который преследовал меня с самого моего детства. И неважно находился ли я в убогой пропитой квартире или наоборот окруженный роскошью, я оставался, все также одинок.

IV

И правы те люди, которые утверждают, что когда ты ничего в этой жизни не ожидаешь, обязательно появляется что-то или кто-то, кто способен перевернуть и изменить её безвозвратно. Постоянно пытаюсь все контролировать, но обязательно упустив из виду, то, что какие-то маленькие события способны изменить всю нашу действительность, и абсолютно без нашего на то ведома. Целая цепочка невиданных и неподконтрольных никому действий, несущая в своем потоке нежданные перемены.

Я хорошо помню, что был апрель. Сухой, оттаявший, вредно-непогодный весенний месяц. Природа, застывшая в ожидании тепла и солнечного света. Люди, наконец, потихоньку

отогревались и снимали тяжелые верхние одежды. Всё кругом застыло в ожидании тепла: люди, природа, животные и птицы. Этот прекрасный миг предвкушения, когда все должно меняться в долгожданную лучшую сторону. Только я одинокий и потерянный, за рулем своей машины, как последнее спасение от одиночества, окончательно смирился с тягостью своей бездарной судьбы. Я не ждал тепла, мне было все равно, белый ли пейзаж за окном или зеленый, мир терял для меня свою привлекательность. Но бывают такие дни, когда солнце перестает скрываться за тучами, и тогда она озаряет своим жизненным светом промерзшие одинокие деревья и почерневшую голую землю. Вскоре количество таких дней увеличивается, и потянутся первые зеленые ростки, а на деревьях станут появляться долгожданные почки. В один из таких дней, я неожиданно остановился на машине, увидев удивительно красивое место. Это было озеро, скрытое летом бесконечной листвой, а сейчас открывалось всю ширь своей красотой и прозрачностью вод, где его не прикрывали зеленые ели. Я вышел из машины и вздохнул воздуха, этот аромат свежести, дыма костра, едкого запаха ели, такой сладкий одурманивший воздух поры пробуждения.

Так я понял, что наступил апрель – весенний, ещё пока не зеленый, послеснежный, но уже теплый и оживающий. Солнце греет неистово, призывая все вокруг пробуждаться от зимнего сна. Я хорошо помню, что постояв у бархатистой глади водоема, надышавший вдоволь свежего воздуха, я впервые за долгое время хорошо уснул. Наконец, я перестал шататься из комнаты в комнату с зажженной сигаретой в руках, при этом безотчетно заглядывая в ящики, рассматривая старые фотографии в рамках. Иногда я брал книжку, и не читал, а просто листал, мне даже читать казалось скучно, даже там я не находил ответов на мучившие меня вопросы.

На следующее утро мне предстояло ехать на прием к врачу. Я собрался, причесался, не смог сдержать улыбку контрольной смс от жены: «Павлик в 11.30 тебя ждет доктор Наумов. Не опаздывай. Удачи!» Я даже как обычно попал в привычную пробку на выезде с шоссе, но приехал даже чуть пораньше нужного времени. В уютном светлом холле клиники, который контрастно отличался от наших советских коридоров в городских поликлиниках, стояли два удобных маленьких диванчика, светло-голубого цвета. Между ними помещался стеклянный столик с разбросанными номерами разнообразных журналов. Единственное большое окно покрывала белая тюль. Между диванами стояли красивые акации в больших горшках и украшали комнату. Весь интерьер был выдержан в серых приглушенных тонах и удачно гармонировал с нежным цветом диванов. Я сел на диван и заметил, что напротив меня на другой стороне комнаты на таком же диване, на самом краю, сидела молодая женщина.

Аня, Анечка... Я часто вспоминаю этот миг, миллион раз покручиваю его в голове, как что-то самое невероятное произошедшее в моей жизни! То ярчайшее созвездие, а может и целая галактика, которая образовалась где-то в далекой вселенной и по невероятным обстоятельствам соединила нас в едино. Как же я благодарен всем силам небесным за эту величайшую встречу, но...

Она сидела, немного сгорбившись, глаза опустила в пол. Я сразу обратил внимание на необычайную бледность её кожи. Вся её фигурка имела вид такой хрупкости, как будто это фарфоровая статуэтка. Казалось, что она как нифма из сказок, прилетала с бесконечной грустью в своем сердце. Такая печальная и одинокая она была. Тоскливый взгляд в пустоту. Неожиданно она поглотила все мое внимание: с одной стороны мне хотелось растормошить её, а с другой стороны, я увидел едва уловимое необычайное родство душ с ней! Точнее я его ощутил, это родное для меня состояние тоски, одиночества и непонимания. Мне показалось, что никого прекраснее я не встречал, такая загадочная и печальная она была, и чем-то непреодолимо меня притягивала. В то же время никогда я не видел прекраснее образа, если только на картинах великих художников, изображающих фей и волшебниц.

Сколько я ни пытался – не мог заставить отвести свой взгляд от неё! Мой взгляд как магнитом притянулся к ней. Я пытался рассмотреть картины на стене, но глаза упорно возвра-

щались к ней. На девушке было обычное трикотажное платье серого цвета, я, кажется, сумел запомнить каждую складочку, на талии его опоясывал белый ремень. Туфли черного цвета, чей цвет поблек от частого пребывания на солнце. Она неожиданно подняла глаза, только осознав, что здесь есть ещё кто-то кроме неё. Эти невероятно красивые зеленые глаза с лёгким желтоватым оттенком, глаза как море, как океан, и я погружался в них полностью.

–К доктору Наумову? – произнесла она тихим голосом.

–Да, у меня запись через пять минут. – Мне показалось, что мой голос прозвучал, как чужой бас, каким не естественным он был.

– Я подожду!

Я хотел, придумать, чтобы спросить у неё, хотелось хоть что-нибудь узнать о ней, но вышла медсестра и пригласила меня. Доктор был очень вежлив, то и дело поправлял очки. Внимательно изучал мою карту. Наконец, он поднял свои внимательные карие глаза и вздохнул.

–Не буду ходить вокруг да около, – он сделал паузу, почесал свой подбородок с небольшой щетиной. – У вас обнаружили новообразование в голове. Можете сами увидеть это на снимках.

–Я умираю? – всё что только смог спросить я. Просто был настолько не готов это услышать. Как гром, удар, сотрясение. Как будто кто-то со всей силы разворошил спящий муравейник и мысли стали бегать в беспорядочном движении. Как же так? Может это шутка. Или обычная закономерность моей бесполезной жизни, никчемная гибель. Надя. Уходящая жизнь. Грустный итог и финал. Невозможно понять, о чём думать, к этому невозможно подготовиться, потому что всегда хочется думать, что такое может случиться с кем угодно, но только не с тобой. С другой стороны моя жизнь не была настолько уж хорошей, но все равно она у меня была. И пусть иногда меня и посещали нехорошие мысли, особенно во времена моего трудного детства, но это были просто отчаянные моменты, которые я старался не поддерживать.

– Я вас уверяю, есть очень большой процент излечения, я назначу вам терапию, есть хороший восстановительный курс, и конечно операция, которые в большинстве случаев имеет большой положительный успех к выздоровлению. У нас в стране очень хорошие нейрохирурги. Все что необходимо – это сдать дополнительные анализы, и по ним мы уже будем окончательно решать какой процесс лечения назначить.

Я перестал его слушать. Вот оно окончание! А что он ещё хотел иметь от своей бестолковой жизни? Сам родился – сам загубился. Все как-то шло само собой, всегда, спокойно, неторопливо, как по течению, и вот течение неожиданно обрывается! Мне было одновременно и жаль себя, а с другой стороны я стал принимать это как закономерный итог. Бороться за что? За нескончаемую тоску и одиночество? Надя сильная, она справится и без меня, найдет себе очередную новую игрушку. Фирме я особо был не нужен, всем все равно занимается только жена. Обо мне даже не будут вспоминать особо, так казалось мне тогда, как не грустно, но у меня даже не было близких друзей, чтобы поделиться своими переживаниями. И вдруг неожиданно мысли о незнакомке опять вернулись ко мне. А ведь кто-то возможно также одинок, как и я. Как же мне захотелось увидеть её, хотя бы ещё раз. Узнать, почему же она так грустит. Неужели у неё такой же диагноз? Эта мысль почему-то напугала меня ещё больше.

Медсестра увела меня по коридору в кабинет для сдачи анализов, объясняла, что, наверное, мне потребуется повторное МРТ. Я только краем глаза увидел, как в кабинет к доктору зашла моя прекрасная незнакомка. Я сделал необходимый анализ, и вернулся к доктору с одной просьбой – пока не сообщать ничего Надежде. «У неё будет удар, а ей нельзя волноваться. Я сам это сделаю и осторожно» Доктор дал мне обещание, хотя наверняка моя жена будет звонить ему, как только я выйду.

Я снова вышел в холл и у входной двери увидел незнакомку, которая уже одевалась, и собиралась уходить. Тут, я моментально схватил свое пальто и решительно направился за ней, я

еле успел догнать её в дверях. Что-то внутри меня надорвалось. «Я хочу с ней познакомиться! Я могу с ней познакомиться! И путь это будет последнее, что я сделаю в этой жизни!» – вертелось у меня в голове. Она всё манила меня неземным притяжением, мне всё в ней нравилось, и какое-то непреодолимое желание пообщаться, узнать её. И мне почему –то казалось, что ей тоже этого хочется. Даже страх отказа перестал меня терзать, как будто что-то переключилось внутри меня.

–Извините, – обратился я к ней. Она подняла свои прекрасные глаза на меня.

–Не могли бы вы составить мне компанию и выпить со мной что-нибудь! – «Господи, и это я?! Что я такое говорю?!»

–Я спешу, – она направилась к двери.

–Мне только что сказали, что я смертельно болен. Просто поговорить, – я уже молил её. Она посмотрела на меня, и видимо поняла на интуитивном уровне, что я не шучу. Хотя возможно и вид у меня был очень жалок. Лёгкая небритость на лице, помятый пиджак, и умоляющий взгляд.

Кафе на территории клиники напоминало скорее студенческое бистро, минимум декораций, чистенькие столики, железные стулья с мягкими сиденьями. За стойкой стояла: кассир, официант и администратор в одном лице, – милая светловолосая девушка. Она протянула нам меню. Через несколько минут она была уже рядом с нашим столиком, я хорошо помню, что Анна попросила сок, хотя потом призналась, что жить не может без черного кофе. Я попросил кофе. Она ещё не понимала, насколько мы похожи, но необыкновенное чувство близости стала подозревать и она. На уровне взглядов и жестов, на самом далеком уровне понимания и осознания, то, что принято называть аурой, мы воссоединялись в единое целое. Это было отчаянное единение людей, у которых не было даже надежды на будущее. Люди, которые так и не смогли вписаться в окружающую их действительность, и которым приходилось обреченно смириться перед своей судьбой.

Она сидела, чуть ссутулившись, и теребила салфетку в руках. Потом когда нам принесли наши напитки, наконец, смогла собраться с мыслями.

–Вы, знаете, у меня тоже смертельный диагноз, – она смотрела на стол, изучая каждую трещинку белого покрытия, а руки продолжали теребить салфетку, это были необычные тонкие белоснежные пальцы, как будто высеченные из камня. Голос её звучал ровно с небольшими паузами. – Я помню, тот момент, постановки диагноза. Первое что мне пришло в голову, что это ошибка. Потом не понимаешь, зачем так жестоко шутить, и наконец, приходит осознание. Оно путешествует с тобой повсюду. Хочется бороться, хвататься за любую возможность, понять, как много ты не оценил в этой жизни. Но с прогрессом болезни, становится меньше сил, изменения в организме уже понятны тебе самой. Ты ещё борешься, но больше ждешь покоя... Но я-то вижу, что вы другой! И если мне это не дано, то вы должны бороться!! Вы это можете! Я прошу вас ни в коем случае не опускать руки!

Наши глаза опять встретились. Её глаза были полны боли, но какие же прекрасные они были! Всё мне в ней нравилось, всё восхищало, я не понимал, почему при своей красоте, она была такая печальная и одинокая.

–Как вас зовут? – спросил я.

–Анна.

–Меня Павел. Вы одна?

Она недоверчиво посмотрела на меня своими прекрасными зелеными глазами.

–Муж, дети? – уточнил я.

–Никого нет.

–Вы знаете, а мне больше всего обидно, что находясь на краю гибели, я никогда и никого не любил! Позвольте мне влюбиться.

Впервые я увидел её улыбку, она не просто украшает, она преображает, она дала мне силы двигаться вперед. Её лицо приобрело при этом необычайную красоту.

–Разве, это зависит от меня?

–Да, – уверенно заявил я, – хочу влюбиться в вас.

–Зачем вы так шутите?

– Послушайте меня, я родился в семье алкоголиков, – я начал свой рассказ, мне хотелось рассказать все ей, мне хотелось не упустить ни одной детали. Мне нужно было, чтобы она знала и поняла меня, она должна была правильно меня понять, я не какой-то безумец или мошенник, я хотел ей указать, что я такой же несчастный страдалец, как и она. С каждым моим словом, моей горькой усмешкой, печальным отступлением, Анна видела и понимала меня таким, каким я и был. Я рассказал ей всё, что описал выше: о родителях, о Наде, о своем одиночестве. Она молчала.

–Как вам все объяснить? Вот сейчас я умираю, но мне иногда кажется, что я никогда и не рождался! По-настоящему, как человек.

–Прекратите! – не выдержала она, – Мне кажется, вам надо позвонить жене.

–Нет! Мне нечего ей сказать, но мне, кажется, что я всю свою недолгую жизнь искал родного человека, пусть даже на короткое время..

–Вы же меня совсем не знаете!

–Позвольте мне вас узнать, Анна.. – В её имя я вложил всю мягкость и нежность, на которую был способен.

Как-то я услышал, в одной познавательной передаче, что любовь, это некий химический процесс, который запускается с помощью нашего обоняния. В нашем случае это чувство было обострено уходящим от нас временем. Оно утекало от нас, даря только крохотные возможности. По самому злому проведению мы получили слишком маленькое количество. И молча без единого слова, по её взгляду, который теперь смотрел на меня, я понимал, что ей тоже хочется, чтобы это было правдой. И возможно её жажда любви была в два или три раза сильнее моей. Ей хотелось, чтобы я не врал, а это было не сон.

И тогда в моей голове созрел молниеносно план, вернее видимо он все это время был в моей голове, во время всех моих путешествий, но теперь я понял отчетливо, чего же я хочу. Иногда я думал, чтобы я делал, если бы однажды Надежда покинула меня. Вдруг с ней могло что-нибудь случиться, и тогда я всегда хотел собрать свои вещи и уехать к морю и жить там, в одиночестве и спокойствие, каждый день, вдыхая аромат морского бриза.

–Уехать! Мы должны уехать.

–Куда, Павел?

–На Юг, в Краснодарский край. Я смогу найти денег, я хочу, чтобы последние дни нашей жизни мы провели вместе, вдвоем, в России и на берегу моря.

Некоторое время она колебалась, а потом неожиданно согласилась: но если это шутка, то самая жестокая, какая только может быть! – добавила она.

Мы обо всем условились, что встречаемся в восемь утра на вокзале следующего дня. К этому моменту я собираю необходимую сумму, укладываю вещи, и с большим удовольствием выкидываю свой мобильный телефон. Мы садимся на поезд и едем на юг к морю, и там среди миллиона отдыхающих граждан, мы затеряемся, чтобы просто насладиться жизнью, которая навсегда уходила от нас. Сделать последний глубокий и отчаянный глоток, чтобы уйти в небытие.

Испытывал ли я страх? Нет. Это было невообразимая эйфория! Я практически летал, когда оформлял все документы, забирал из банка деньги, потрошил наши с женой «заначки» в магазине. Долгожданное освобождение, впервые я делал то, что, оказывается, всегда хотел, то о чём мечтал!

Утром я оглядел последний раз своё семейное жилище, ведь я собирался покинуть его навсегда. Я ещё раз окинул взглядом просторную четырехкомнатную квартиру, пытаюсь понять, вдруг я что-то упустил из виду. Когда-то мы вложили много сил и денег в её ремонт, но никогда она мне особо не нравилась. Как и всё в этом доме, она была скорее Надина, чем моя. В строгом декоре, красных бархатных огромных занавесках на окнах в гостиной, отражался характер хозяйки. Она тщательно подбирала дизайн интерьера, чтобы все гармонично сочеталось. Без излишеств, но и без минимализма, простой консервативный подход. Здесь имелся легкий беспорядок от бессонной ночи накануне. Где-то я неосторожно обронил бумаги, газеты, когда собирал вещи, где-то слетели со шкафов всевозможные салфеточки, особое пристрастие Надежды. Я покидал это дом и не собирался возвращаться, как мне тогда казалось, и от этого так легко становилось на душе. Да, возможно я умирал, а ещё возможно впервые в жизни и родился. Господи, благослови этот апрель!

V

Прежде, чем сесть в поезд без обратного билета, я с небольшим уколом совести подумал только о свёкре и свекрови, которые в это время спокойно проводили время в своем загородном доме. Пять лет тому назад они построили себе это жилище в Подмоскowie, и счастливо там обитали. Путь, к своему уютному дому, они прошли непростой: сначала долго искали места, потом выбирали участок, затем строили сам дом, решая какое количество комнат, где какая будет располагаться, потом год они обустроивали помещения под себя. Притом свекровь, как и Надя, буквально с ума сошла на дизайне, и нам с женой приходилось тратить немало сил и денег, то покупать итальянские люстры, разыскивая их по Риму, то оригинальную модель металлических ручек, или заказывать импортную мебель только с определенным узором. И почти ровно в момент выхода Елены Андреевны на пенсию, в новом доме, наконец, справили грандиозное новоселье, с фейерверком в конце вечера. Теперь же в их доме царила идиллия спокойной старости, Елена Андреевна проводила время на грядках или в теплице, где сажала цветы. Зимой она любила принимать подруг, которые жили по соседству, устраивая своеобразные вечера за чашкой чая. Михаил Васильевич делал всю ручную работу по дому, а летом в обед, они любили накрывать стол у себя на веранде и обсуждали последние новости, политику или просто прошедший день. Он ещё служил в органах, но с каждым годом все больше тяготел к простой сельской жизни. Их прочный, тесный союз, навсегда останется для меня настоящим примером красоты супружеской жизни. Я все также любил бывать в их доме, как когда-то любил приходить в их соседскую квартиру. Стены их жилища были наполнены особенным уютом. И пусть они постарели, погрузнели, стали более эгоистичными в своих проблемах, и медленными в своих действиях. Но смотреть на них нельзя было без умиления: её озабоченность, его предприимчивость, она волнуется, он шутит. Они понимали друг друга уже с полуслова, по понятным только им жестам, которые они изучили друг в друге за прожитые годы. Это была нежность прожитых годов, которая также сохранила глубокое уважение и привязанность друг к другу. Теперь в старости, когда они остались вдвоем и жили опять рука об руку, когда позади уже отгремели все бытовые неурядицы, проблемы воспитания и становления любимого чада и финансовые трудности, они оставались рядом с таким же уважением в глазах, как в годы их юности. Они даже не просили у нас внуков, считая это нашим личным делом, за что я всегда их очень уважал, за то, что они никогда не позволяли себе вмешиваться в наши дела. Я понимал отчасти Надю, которая так судорожно держалась за меня, она просто не могла понять, как может союз двух людей быть не счастливым. Она искренне считала, что отношения с годами становятся только крепче, такой пример перед глазами у неё всегда имелся.

Я думал о них всю дорогу, когда сидел в такси и ехал на вокзал. Мне было жаль, что они разочаруются во мне, что я так и не стану Наде идеальным мужем в их глазах, но ничего не могло больше меня поколебать. Я отдал их семье свою жизнь, как бы пафосно это не звучало, делал всё, чтобы радовать их, но остатком своей жизни, хотел распорядиться по-своему.

Я стоял в центре зала на Казанском вокзале и больше всего на свете боялся, что Аня не придет, что она передумала, а я даже не знал, где потом буду её искать. Это были самые тяжелые пять минут моей жизни. Я уже выбросил свой телефон, а новую сим-карту ещё не купил, очень злился на себя за такую спешку. У меня замирало сердце от ожидания, и я даже готов был прийти в отчаяние, когда она появилась в поле моего зрения. Такая же бледная, похожая скорее на приведение, чем на человека. На голове красовался платок, все в том же осеннем сером пальто. На одном плече у неё висела дорожная сумка, а в руках она держала ручку своего коричневого чемодана на колёсиках.

–Аня!

–Павел, – она приветливо улыбнулась.

–Я сомневалась, но решила, что это прекрасная возможность отдохнуть!

–Спасибо тебе, – я взял её холодные руки в свои и поблагодарил. Потом я забрал её сумку, и мы направились к поезду. Так началось наше первое и последнее путешествие. Я ещё накануне купил билеты в вагон «СВ», чтобы мы ехали только вдвоем и никто не отвлекал нас. И сутки в поезде пролетели, как одно мгновение. Мы разговаривали о море, о жизни, которая теперь оставалась в Москве, делились школьными воспоминаниями. А вечером мы просто смотрели в окно, на багряное небо, украшенное уходящим солнцем. Я откинулся назад и заморожено следил за профилем своей подруги. Я восхищался её умиротворенному взгляду, зеленым внимательным глазам, тонким носом и такими плавными чертами лица, казалось этот профиль, изваял кто-то из фарфора. Только непроходимые серые круги под глазами говорили о том, что этот человек не здоров. Я же находился в состоянии покоя, я наслаждался каждым мгновением, тем теплом, которое поселилось в моей душе, чувство тревоги покидало меня, я преображался.

Анна, как-то по-особенному трогательно смотрела в окно, сейчас, я точно понимаю, что она просто прощалась, с теми местами, где она никогда не была, и ей уже никогда и не суждено будет побывать. Прощалась с каждым увиденным домом и деревом. Жизнь уходила от неё, и это было её последнее путешествие, прощальное.

А поезд все мчал нас вперед, этот непрерываемый стук колес, легкое покачивание и постоянная смена пейзажа, уже скоро черное море приветливо встретит нас отблесками солнца на своих волнах. Я ездил на Черное море лишь однажды, ещё во времена студенчества, тогда Наде все не понравилось. Она назвала море болотом, из-за количества мусора, домик, который мы снимали, убогой хижинкой. Ее приводило в ярость буквально каждая мелочь, и мы уехали домой быстрее, чем планировали изначально. Я же считал и до сих пор так думаю, что Черное море ничем не хуже Красного или Средиземного, где потом мы так часто отдыхали.

Те три часа, что поезд шёл вдоль побережья, мы с Аней смотрели в окно. В нас вселилась необузданная радость, как будто море стерло все наши неприятные воспоминания, и мы как дети видели что-то новое и прекрасное. Так мы прибыли в Адлер, который встретил нас хорошей погодой и свежим воздухом, в отличие от духоты Москвы. Прямо на перроне я договорился с немолодой местной жительницей о том, чтобы снять у неё часть дома на длительное время. Возможно, она накрутила цены, но в нашей ситуации мне было все равно, я согласился на все её условия.

–Если нам не понравится, я найду более подходящее жилище. – Шепнул я Ане на ушко.

Мы шли под тёплым жарким солнцем Юга по улицам города. Туристов было ещё не очень много, но в разгар сезона здесь начнется просто столпотворение. Дом находился на самой окраине и имел свой выход к морю, которое было почти рядом, и в дождливые дни всегда было слышно, как море волнуется.

Наша часть дома представляла собой: большую комнату, часть кухни, коридорчик с ванной и туалетом и отдельный выход для нас. В принципе нас это все устроило. Мы не стовариваясь, довольно переглянулись. Я ещё раз предупредил хозяйку, что мы планируем жить здесь

долго и внес большую предоплату. Она с большим воодушевлением раскланялась и просила обращаться к ней по любому поводу. Сама же обещала, что не будет нам надоедать и лишний раз беспокоить.

В первый же вечер, как только мы разобрали наши вещи, которые взяли с собой в спешке, мы отправились гулять по набережной. Уже стало темнеть, город покрывали сумерки, зажглись фонари, море становилось совсем черным. Мы шли и смотрели вдаль на красивый, но быстрый закат. Нас обвевал морской бриз, совершенно особенный ветер, после техногенной Москвы. Я предложил Анне попробовать морепродуктов в местном кафе, цены здесь были на порядок ниже, чем в столице. Я, не переставая, шутил, пытаюсь вызвать приятный смех спутницы. А затем в тиши вечера, когда кругом раздавался смех и крики маленьких детей, шумные встречи местной молодежи, в тот момент, когда солнце уже совсем село, и осталась только тонкая полоска на горизонте, я с молчаливого согласия моей спутницы в первый раз поцеловал её. Я никогда не забуду эти невероятные нежные чувства, охватившие меня от сладости её особенных губ. Все мое существо требовало ещё и ещё. Мы, наконец, скрепили наш тайный союз особенным таинством тел. Дали прорваться нашим чувствам. Какие же сильные это были чувства!

Жизнь должна была покинуть нас, а мы со всей страстностью её провожали, мы были обречены, а поэтому свободнее нас не было людей на земле. Целую ночь, мы делали, что хотели, предавались любовным фантазиям и наслаждениям. Мы не спали, мы изучали, любили, играли. Дрожь охватывало все её тело, а мне было все мало. Я забылся, я растворился в своей любви полностью. Было только желание и понимание в одном человеке. Всё было по-другому, по-особенному непохоже, на мой предыдущий опыт. Надя была моей единственной женщиной, и всё мне казалось похожим и обыденным. В один вечер перестал существовать Надин Павлик, а был страстный любовник, который не мог остановиться пить из чаши наслаждения.

Мы уснули только утром. Анна успела выпить таблетки. И вот начались наши прощальные дни у моря. Был ли дождь или светило яркое солнце, волновалось ли море или наоборот легкий штиль бороздил его, зной или шторм – я абсолютно ничего не различал! Просто были дни, когда мы не ходили на пляж и не купались в море, или наоборот могли целый день проваляться в тени какого-нибудь лесного островка. Иногда нам надоедали маленькие уютные кафе или набережная, бесконечно громкой музыкой, тогда мы искали дикие места природы, где не так часто ступала нога человека, и там устраивали любовные игры. До сих пор до боли в руках я вспоминаю эти самые невероятные моменты в моей жизни, как я сжимал, обнимал и ласкал, такое хрупкое и горячее тело любимой.

Время перестало для меня существовать, и я совсем потерялся какой сегодня день. Был ли этот день средой или пятницей. Я просто видел, что были моменты, когда Анне становилось намного хуже, но она очень старалась держаться и просила сегодня никуда не ходить. Были же наоборот те дни, когда она могла быть ещё ненасытнее, чем я. Она была ласковым игривым котенком, но с любящим и преданным страстным сердцем. Иногда я смотрел и любовался ею, и никак не мог уложиться в моей голове, как вообще такое было возможно, что это сердце могло так долго пустовать!

Однажды, когда я по невообразимому наплыву отдыхающих и запредельной жаре, сообразил, что идет самый разгар лета. Мы решили совершить поездку на косу, устав от суеты большого потока отдыхающих. Этот отдельный остров, был как оазис для нас, где можно было полежать в тени деревьев. Здесь было тихо, только шум морских волн, легкое колыхание деревьев и бесконечная мошкара. Мы расстели коврики под большим деревом эвкалипта. Мы просто лежали, я сразу притянул её к себе.

– Анна, – я игриво укусил её в шею, стараясь спровоцировать в ней ответную страсть. – Где же ты была раньше?

Она стала ещё худей, слабый загар покрыл её тело, но не придал ему здоровый вид. Бледность не исчезала, это была невыносимая печать смертельной болезни. Печальное эхо уходящей жизни.

Я все равно любил её даже такую, я представлял, какая же она была, пока страшная болезнь не сразила её тело. Но красота никуда не исчезла, невероятное обаяние характера, сила духа и живость натуры – никогда она не останется в моей памяти увядающим человеком, а наоборот звонкой, неповторимой, ласковой женщиной. С душой человека, который смог бы обнять весь мир.

– Павлик.. – Она вдруг отстранилась от меня, медленно встала на ноги. Она смотрела в сторону моря, которое весело заигрывало с солнцем, переливаясь золотистыми лучами, и вальяжно накидывало на берег одну волну за другой.

–Я давно хотела тебе рассказать про себя. Хотя, конечно, рассказывать особо и нечего. Я родилась в очень необычной семье. Мои родители не были алкоголиками или больными людьми, они просто не любили детей. Наверное, они внутри сами всё ещё оставались детьми. Моя мать, желая удержать отца, забеременела от него. Притом совершила она это путем невероятных манипуляций, потому что мой отец ребенка не хотел. Моя мать обычная девчонка (правда, очень красивая), приехавшая как бы на учебу, из маленького городка на Урале, а сама желала подцепить мужчину и остаться в столице. И ей очень повезло, мой отец из хорошо обеспеченной семьи, коренных москвичей, подающий надежды юрист. Хотя у нас все по папиной линии, начиная от прадеда, все родственники имели военное или юридическое образование. Отец просил её сделать аборт, потом даже стал угрожать ей. Тогда мама разыскала мою бабушку, мать отца, и всё ей рассказала. Моя бабушка, царствие ей небесное, была очень строгих моральных правил и заставила сына жениться на ней. Так и появилась я. Не ребенок, а скорее игрушка в их бесконечной войне. Пока однажды мать не нашла более обеспеченного мужчину и не уехала с ним за границу. Я ждала её год. Я подбегала к двери при каждом звонке, я заглядывала в почтовой ящик чуть ли не каждый час. Она ни разу не прислала мне даже открытки. Отец, не веря своему счастью, что так легко отделался от нелюбимой жены, загулял так, что приходили в ужас даже его коллеги по работе, которые сами примерным поведением не отличались. Он и раньше гулял, конечно, но теперь эти вечеринки и гулянки длились, чуть ли не неделями.

Я жила с дедушкой, бабушкой и гувернанткой в квартире около центра Москвы. Они не особо занимались воспитанием своего сына, а про меня и вовсе забывали. Я так и росла сама по себе, с грезами о возвращение мамы, о том, как мы будем жить где-то хорошо и весело за границей. Самое интересное, что в какой-то момент, появившись она и правда на пороге моего дома и позвала бы меня с собой, я бы уже не пошла, мне стало слишком хорошо внутри себя. Там в своем мире я жила в счастливом замке из мечтаний и грез. Там со мной рядом был прекрасный принц, прохлада зимнего сада возле дворца, точнее замка, и любовь, которая будет преследовать меня повсюду, какие только юноши не пойдут за мной. Они все мечтали получить мою благосклонность. Принцы будут готовы падать ниц, только бы увидеть меня. Я слишком глубоко ушла в себя, чтобы когда-нибудь возвратиться обратно. Потом я стала много читать романов, смотреть романтические фильмы, и это только разжигало мою фантазию. Я перестала любить любое общество людей, оно тяготило меня, что приходилось возвращаться в скучную реальность. Отец устроил меня в хороший ВУЗ, там у меня появились друзья, но все всегда считали, что я чем-то немножко другая, такое легкое чувство осторожности по отношению ко мне. Но я была самым обычным подростком, просто не любила, когда границы моего прозрачного замка мог хоть кто-то нарушить или внести разлад. Что неизменно происходило от многочисленных печалей и забот моих подруг, они несли с собой слишком много реальной жизни, которую мне не хотелось принимать.

Вскоре отец повторно женился, купил мне квартиру в Москве и на этом решил закончить свое воспитание. «Я дал тебе все! – скажет он, – Квартиру, образование, машину. Я так много сделал для тебя, теперь ты должна сама!» Он по-отечески чмокнул меня в лоб и с упокоенной совестью устремился в свой излюбленный мир порока и сладострастия.

Уже в то время я стала чувствовать первые недомогания, то сильные головные боли, то постоянный упадок сил. Весть о болезни застала меня, когда я устроилась в большую организацию, где мне хотелось затеряться в многочисленной толпе сотрудников, чтобы спокойно сидеть за одним из однообразных офисных столов и предаваться своим фантазиям. Никто из знакомых мужчин никогда не производил на меня впечатления, я могла придраться к любой мелочи, я везде видела только их недостатки. Больше всего на моей фирме мне нравилось, что никому и никогда не было особенно до меня дела. Обо мне вспоминали только, когда речь заходила об очередном отчете или выполнении поручения, где был необходим нотариальный совет. Знаешь, а вот специалистом я считалась неплохим, – в этот момент она грустно улыбнулась, – Гены видимо. Я хорошо устроилась в своей броне из серой массы, из которой я совершенно не выделялась. Как только диагноз подтвердился мой замок рухнул в один миг. Я поняла, что стою посреди многомиллионной Москвы, в городе, в котором я выросла, совершенно одинокой и никому не нужной. Я нашла отца. Он обрюзгшей и опухшей после очередных гулянок, видя мое состояние, только сказал: «Сколько тебе надо денег доченька?» он оплатил все счета, но болезнь не уходила. Врач отвел мне очень короткий срок, и, тут, я неожиданно встретила тебя.

Все время пока она говорила, я, молча, сидел и слушал. Её голос звучал так ровно, но я точно знал, как тяжело ей теперь это всё рассказывать. Сколько бессонных ночей и размышлений она пережила, и что ей как мне когда-то так и не хватило родительского тепла. Я подошел и обнял её так крепко, насколько хватило сил. Она разрыдалась. Анна, наконец, смогла оплакать уход матери, отсутствие отца, свое не умение бороться с жизненными обстоятельствами, свое, как ей казалось, не нужное и абсолютно бестолковое существование. «Никому, – всхлипывала она, – Никому и никогда я не была нужна!» Она не понимала, почему так рано уходит, она оплакивала, что встретила меня, она думала, что уйдет из жизни спокойно и без сожаления, а теперь впервые поняла, что такое любить. Впервые любовь, которую она хранила в своем воображаемом замке, наконец, пролилась на свет. Она любила и была любима, когда надо было прощаться со всем. Я утешал и качал её как маленькую, я целовал её, куда только мне удавалось прикоснуться. Эта была новое чувство, ещё более сильное – уважение и сострадание, товарищества и родства, как двух родных по несчастью и счастью.

Самая большая загадка вселенной так и останется не разгаданной на берегу черного моря. Почему самая красивая любовь двух одиноких сердец погибала под гнетом тяжелых болезней? Почему они нашли друг друга в тот момент, когда навсегда расставались? С того момента мы стали ещё ближе, чем раньше. Ещё больше нежности мы стали проявлять по отношению друг к другу. Я как никто другой понимал её боль, она как никто другой понимала мою тоску. Наши израненные души, наконец, вышли из клетки для долгожданного обретения покоя. И всё-таки такая несправедливость считал я, а ведь мы могли прожить долгую и счастливую жизнь. Я стал думать и предлагать ей, чтобы может быть попробовать начать лечение, поехать за границу, может время все-таки ещё не упущено, Аня качала только головой. Она считала, что сделала уже все возможное, в каких только клиниках она не лежала, и за границей тоже, она пила самые дорогие таблетки, которые только были от этой болезни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.